

Сборник «Общество и государство в Китае»: 42 научная конференция. — Ученые записки отдела Китая. / Институт востоковедения РАН. Москва: Институт востоковедения РАН (ИВ РАН), 2012. — Вып. 6. (т. 1, 2); том XLII, вып. 7 (ч. 3).

Очень грустное в 2012 г. случилось китаеведение — за один год ушла из жизни целая плеяда наших коллег. Первый том материалов конференции посвящен памяти Владимира Евстигнеевича Еремеева (1953–2011). Для его стиля работы как выдающегося исследователя науки Китая был характерен широкий охват материала, точность в деталях, но главное — поиск научно-философских основ единства человека и мира. Частично о масштабах его работы дает представление статья «Наука в эпохи Юань и Мин», опубликованная в сборнике и подготовленная к печати А.Е. Кобзевым. А в статье С.Ю. Рыкова «Символы и числа» Владимира Евстигнеевича Еремеева обозначены новые подходы Еремеева к нумерологии.

Второй том открывается статьей о Лилии Николаевне Борох (1933–2011) — ученом, внесшим значительный вклад в разработку общественно-политической мысли Китая начала XX в. Ее блестящие книги и статьи о Сунь Ятсене, Лян Чичао вошли в золотой фонд не только российского китаеведения, но и российской социологии.

Не верится, что уже нет с нами беспокойного человека и глубокого знатока истории КПК Юрия Мисаковича Гарушянца (1930–2012).

Академик Борис Львович Рифтин (1932–2012) на протяжении многих лет открывал захватывающий мир мифологических героев и сюжетов в традиционной литературе Китая. Кто только не зачитывался его публикациями о китайской мифологии!

Особый путь в китаеведение был у Лидии Ивановны Головачевой (1937–2011), многие годы посвятившей поиску смыслов Конфуция. Но на мой взгляд, ее глубокие знания Китая особенно полно проявились в сделанном ею переводе книги двух китайских авторов Чэня Кайго и Чжэня Шуньчао «Подвижность великого Дао».

Тяжело писать в прошедшем времени о Наталье Ивановне Фоминой (1932–2012).

Первая ассоциация, приходящая на ум, — слово интеллигент. Она тихо, но исключительно профессионально и талантливо работала с разными сюжетами истории Китая, стартуя в науку с диссертацией по эпохе Цин.

Завершая длинный список «im memoiam», особенно остро понимаешь, какую замечательную работу проводит сейчас Отдел Китая в рамках проекта «Китаеведение — устная история». В материалах конференции опубликованы ставшие частью проекта беседы В.Ц. Головачева и А.И. Кобзева с коллегами, и мы вновь можем услышать знакомые интонации.

Три тома плотного текста — это площадка, на которой встречаются ученые, разделенные географией и научными интересами, но объединенные общей миссией изучения Китая. Мысль китаеведов не скудеет — на этот раз томики вместили в себя более сотни (!) публикаций.

Составители сборников сгруппировали их по таким разделам, как «История и археология», «Историография и источниковедение» в 1-м томе и «Источниковедение и история» в 3-й части, «Философия, идеология, религия» в 1-м томе и «Мифология, философия и религия» в 3-й части, «Современный Китай», «Китай и соседи», «Искусства, науки и ремесла», «Письменность, литература и искусство». Совпадение некоторых разделов объясняется тем, что 3-я часть выпускалась отдельно от первых двух томов. Нетрудно заметить, что редакторы сборников почему-то избегают фиксировать такие темы, как «политика», «международные отношения», «экономика», «социология», «коммуникация», «антропология». Можно предположить, что это дань традициям конференции, хотя само название «Общество и государство», казалось бы, нацеливает именно на эту группу вопросов.

Но нельзя не признать, что наибольшее внимание авторов сборников привлекает именно традиционный Китай в самых разных его аспектах, археологическом (Д.В. Деопик,

М.Ю. Ульянов, С.И. Блюмхен, М.Е. Кузнецова-Фетисова), текстологическом (Г.С. Попова), историческом (А.К. Коробицына, Д.А. Комаров, В.В. Бакшеев), экономическом (П.М. Кожин, М.В. Корольков), культурологическом (В.Г. Белозёрова), лингвистическом (Ю.С. Худяков), литературоведческом (Л.В. Стеженская), науковедческом (А.И. Кобзев, Н.Ю. Агеев), философском и религиозном (А.И. Кобзев, С.И. Блюмхен)

Так как все богатство материалов отразить в краткой рецензии не представляется возможным, изначально будем руководствоваться убеждением в том, что почти все опубликованные статьи являют собой образцы высокого профессионализма, но более подробно остановимся лишь на некоторых из них.

Сборники отразили любопытную тенденцию в современном российском Китаеведении — повышенный интерес ученых к самым древним периодам китайской ойкумены. Именно сюда потянулись молодые ученые. Несомненно, что это связано с грандиозным переворотом в представлениях о китайских древностях, ставшим следствием археологических открытий конца XX в., с необходимостью и возможностью переосмысления накопленных к настоящему времени фактов. Но, думается, что тут присутствует и субъективный фактор. Первое имя, которое сразу приходит на ум, — это С.-Р. И. Кучера. Личность этого человека, обладающего широчайшей эрудицией, его работы стали магнитом для многих молодых исследователей, ищущих свой путь в науке. Велика роль также М.Ю. Ульянова, создавшего в МГУ особую научную школу.

Именно статья М.Ю. Ульянова, написанная совместно с Д.В. Деопиком, открывает раздел «Истории и археологии» сборников. Статья имеет узко профессиональное название «Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X—I тыс. до н.э.». Но содержащиеся в ней наблюдения и выводы имеют общеметодическое значение, без учета которых уже невозможно преподавать и исследовать историю Китая. По словам самих ученых, их целью было «дать характеристику протекания исторического процесса... начиная со времени перехода к земледелию и заканчивая возникновением развитой государственности». Отправной точкой статьи стала мысль о том, что Китай в древности — «это не одна страна, а сложно структурированное географическое пространство, которое по своему многообра-

зию не уступает западной части Старого Света (Сиро-Палестинский регион, Месопотамия, Долина Нила) и близко примыкавшим к ней областям (Малая Азия, Средиземноморье, Закавказье)». Правда, странным образом, начав говорить о Китае, авторы завершают абзац регионом Восточной Азии, так в общем-то до конца статьи и не разделив достаточно четко эти два термина. В этом географическом пространстве, по мнению, авторов можно выделить шесть «историко-культурных» зон. Основным критерием зонирования для них стали «керамические комплексы». Авторы ссылаются также на особенности ландшафта, языковые семьи и доминирующие сельскохозяйственные культуры. Создание глобальной картины, отдельные части которой, к тому же, довольно фрагментарны, дело нелегкое. Предваряя неизбежные при таком раскладе вопросы, авторы в эпиграфе отмечают, что любой результат в науке — промежуточный. Авторы являются сторонниками гипотезы зарождения китайской государственности на Нижней Янцзы в рамках культуры Лянчжу. Целый спектр убедительных аргументов в пользу этой гипотезы приведен также в статье М.Е. Кравцовой «Желтое» и «зеленое» в палитре древнекитайской истории: о генезисе китайской государственности». Но мне лично не дают покоя южно-сибирские металлические ножи, упомянутые Ульяновым и Деопиком в контексте того, что «металл вместе с технологией сплава пришел в северную часть региона с северо-запада». Не означает ли это, что к работе группы исследователей следовало бы подключить специалиста по археологии именно этого района, и тогда, возможно, выводы можно было бы откорректировать в сторону севера?

Работа П.М. Кожина «Совершенство экономики как стимул территориального роста древних государств (на примере древнего Китая)» на самом деле гораздо шире заявленной темы. Автор рассуждает о том, как «труд позволяет человеку занять особое место в природном биологическом мире, а развивающееся мышление обеспечивает... видовое выживание». В некотором смысле это можно считать продолжением знаменитой мысли Ф. Энгельса, однако П.М. Кожина интересуют иные компоненты антропогенеза и общественного развития, в том числе, начало языкового общения и формирования устойчивой памяти, складывание традиций как совокупности эмпирических знаний, выход из чисто биологических отно-

шений в социальные, становление «искусственной экологии человека» или «производящей экономики» (земледелие и скотоводство), развитие уже не связанных с добычей пищи технических хозяйственных отраслей (обработка глины и металлов). Проецируя эти общечеловеческие процессы на Китай, автор констатирует некоторую специфику их протекания. Кожин ориентирован на северокитайскую парадигму становления государства. Он отмечает, что вопреки географическим границам, разделявшим отдельные провинции чжоуского времени, в целом, уже работали центростремительные механизмы, которые объяснялись стремлением получить доступ к лучшему сырью.

С.И. Блюмхен посвятил свою работу палеоэкологии на примере разбора череды наводнений, бушевавших на территории современного Китая между 2300 г. до н.э. и 1010 г. до н.э., приведших к депопуляции и изменению климата. (Как бы полемизируя с Ульяновым и Деоником, Блюмхен рассказывает о том, что одной из исчезнувших культур была культура Луншань. Дело в том, что два вышеназванных ученых отметили, что под напором новых открытий понятие Луншань как обозначение археологической культуры исчезает из научного оборота.) Блюмхен солидаризируется с исследователями, отстаивающими гипотезу кометного удара, потому что, как он считает, масштаб катастрофы невозможно объяснить только фактами наводнений, к тому же, растянутыми во времени. Ученый опирается на результаты коллективных исследований китайских, австралийских, немецких коллег. Горько осознавать, что нет подобных российских разработок.

М.Е. Кузнецова-Фетисова свою статью озаглавила «Реконструкция отдельных сторон функционирования столицы Инь (дин. Шан, XVI—XI вв. до н.э.)». Она критически и детально рассматривает состояние современной китайской науки по вопросу атрибуции столицы Инь. Анализируя опубликованные результаты раскопок нескольких древних поселений в районе Аньяна и их интерпретации, она убедительно показывает, как они девальвировали просуществовавшее много лет представление о поселении близ дер. Сяотунь как о столице Инь, но сами не привели к появлению бесспорной альтернативной версии. По наблюдению автора, не способствует прояснению вопроса и подключение административного ресурса. Она пишет о том, что после того, как в 1961 г. раскопанному поселению у дер. Сяо-

тунь был придан статус культурного заповедника площадью 24 кв км, стали считать, что это равно размеру площади древней столицы. А в 2000-х гг. площадь заповедника была расширена так, чтобы она смогла охватить вновь открытое городище, после чего «площадь столицы» была увеличена до 30 кв км.

Перу М.В. Королькова принадлежит серьезное научное исследование — «Эволюция системы земельного налогообложения в империях Цинь и Хань по данным палеографических документов». Автор проделал сложную и кропотливую работу, собрав по крупицам данные палеографии, зачастую сильно поврежденные, и дополнив их сведениями, почерпнутыми из древнекитайских книг, некоторые из которых даже переведены на русский язык. Сухие факты описания развития налоговой системы, приводимые автором, читаются как роман, достаточно лишь представить себе, что речь идет о том, что столь близкие каждому из нас вопросы, обсуждались и систематизировались более 2000 лет тому назад! Ученый приходит к довольно неожиданному, на наш взгляд, выводу, отмечая, что трансформация циньских форм госконтроля над землей в начале правления династии Хань шла в направлении уменьшения функций государства. Корольков приводит много примеров, подтверждающих его правоту. Однако не совсем понятно, насколько в данном случае можно говорить о системных действиях власти, а насколько о том, что государям империи Хань было сложно привести к общему знаменателю общество, пережившее лихие годы смены династии. Не хотелось бы останавливаться на деталях, но мне кажется, что более точно было бы написать, что империя Цинь закончила свое существование в 207 г. до н.э., а не в 209 г. до н.э. (см.: русское издание Сыма Цяня, т. 2, с. 87), и что империя Цин существовала до 1912 г., а не до 1911 г.

Статья Е.М. Бреус «Идентификационные документы в Китае: история, структура, национальная идея» является образцом этнологического исследования. Написанная на значительном количестве материалов, статья прослеживает путь развития идентификационной системы Китая, начиная с династии Чжоу, и вплоть до сегодняшнего дня. Автор приходит к выводу о том, что «в КНР сохраняются тысячелетние традиции коллективного учета, а индивидуальный документ сочетает традицию и западные стандарты». Буквально пару месяцев тому назад поднятый в статье вопрос актуали-

зировался, когда китайские власти сообщили о включении в заграничный паспорт КНР карты страны со всеми спорными островами. Несколько странной представляется ссылка на Бенедикта Андерсона, учитывая то, что областью его интересов является национализм. Значит ли это то, что жителей Среднего государства на протяжении всего описываемого времени следует воспринимать в терминах национализма, причем присущего нации как «воображаемому сообществу»?

В ключе социальной этнологии написана статья Е.И. Магяша «Построение духовной социалистической культуры и образ предпринимателя-*жушана*». Статья, будучи несомненно научной работой, интересна также для широкого круга читателей и поэтому была перепечатана интернет-изданием «Столетие». Ученый рассказал о том, как современные китайские капиталисты «встраиваются» в общество социализма с китайской спецификой. *Жушань*, что дословно значит конфуцианец-торговец, с точки зрения традиционного Китая, понятие само по себе противоречивое, так как поднимает торговца, социальное положение которого было невысоким, до уровня ученого конфуцианца. Однако из статьи мы узнаем о том, что бытование понятия относится еще к минскому времени. Лейтмотивом статьи является идея «морально-нравственного воспитания народа», которому «на протяжении всей истории Китая» «придавалось особое значение». Познакомившись с феноменом конструирования китайской властью социально ответственных предпринимателей, вряд ли кто-то будет возражать автору относительно культурной обусловленности данного явления, но было бы интересно узнать, насколько эффективен этот курс. Объективные данные об уровне расслоения общества (например, коэффициент Гини) указывают на тревожную динамику: по статистике ООН в 2010 г. неравенство доходов в Китае имело значение в 41,58, а числом 50 выражается граница, на которой возникает опасность общественного взрыва. К слову сказать, в США этот коэффициент был равен 40,8, а в России — 37,5. Двадцать лет тому назад в Китае этот коэффициент был в четыре раза меньше. Можно ли утверждать, что современные *жушани* способствуют сглаживанию социального неравенства?

Гендерные исследования в российском китаеведении уже немало лет тому назад начинала развивать Э.А. Синецкая. С трудом,

но эта тема пробивает себе дорогу, доказательством чего являются материалы конференции. На сей раз это направление представлено сообщением Е.Н. Степановой «Социально-экономическая значимость образования на Тайване и гендерный вопрос», статьей Ю.А. Кузнецовой «Переосмысление традиционных женских образов в китайской драме XX века: Пань Цзиньянь в драмах Оуян Юйцян и Вэй Минлуня», тезисами Ю.С. Мыльниковой «Четверокнижие для женщин (Нюй сы шу)».

Отправным тезисом для Е.Н. Степановой является мысль о том, что образование — «самый быстрый и доступный канал вертикальной мобилизации». Она прослеживается, как в течении XX в. на Тайване осуществлялось просвещение и образование женщин, и изменялось отношение социума к роли женщин, в том числе к бинтованию ног. Тема, которую разрабатывает исследовательница, несомненно важна и заслуживает обсуждения. Вполне закономерным является то, что ей приходится проводить параллели между тайваньским и китайским обществами в начальный период движения за раскрепощение женщин. Сравнение это не в пользу Китая, так как, по свидетельству автора, «на Тайване еще в 1900 г. началась кампания против бинтования ног». Все дальнейшие рассуждения автора построены таким образом, что позволяют сделать вывод о том, что «когда японский период колонизации в 1945 г. закончился, Тайвань стал лучшим образовательным центром в Азии после Японии». Однако хочу обратить внимание автора на книгу, которая, видимо, осталась за границами ее поисков. Она написана англичанкой Арчибалд Литтл, которая принимала участие в организациях, ратовавших за права китайских женщин. Она сообщает, что первая школа для девочек в Китае, выступавшая также против бинтования ног, была открыта миссионерками в Ханчжоу в 1867 г. В 1895 г. с участием г-жи Литтл было создано «Общество за естественные ноги» (Тяньцзухуй). А к 1897 г. движение за образование и раскрепощение женщин, по ее наблюдениям, получило уже повсеместную поддержку и руководилось самими китайцами. Эти сведения, конечно, не отменили бы общего направления рассуждений Е.Н. Степановой, но, может быть, помогли бы увидеть, что женские образовательные центры в Китае открывались еще тогда, когда Тайвань входил в его состав.

В статье Ю.А. Кузнецовой на примере

двух пьес начала и конца XX в. показывается, как переосмыслился образ героини романа «Речные заводы» Пань Цзиньлянь. Интерес к этим пьесам со стороны китайского общества показывает, что сюжет, описанный Ши Найанем, не исчерпал себя, и что людей до сих пор волнуют обращенные внимание к женщине вопросы: насколько совместима красота с добротелью и правом на счастье; насколько обоснованно то, что супружеская неверность женщины порицается сильнее, чем распущенность ее мужа.

В области философии мощный поток информации по проблемам изучения Ван Янмина обрушил на читателей материалов конференции А.И. Кобзев в статьях «Ван Ян-мин и «Великое учение»» и «Изучение Ван Ян-мина в России и специфика китайской философии». Первая статья снабжена библиографией из 150 наименований, вторая — из 101 наименования, каждый из списков можно считать отдельным трудом. А.И. Кобзев, являющийся в российской науке бесспорным авторитетом в области философии минского мыслителя, очень подробно проследживает «драму» развития взглядов российских ученых на философию Ван Янмина. Специфическую окраску повествованию придает включенность в этот процесс самого автора статьи. А.И. Кобзев возвращает читателя во времена, когда философия рассматривалась советскими и китайскими учеными через призму материализма-идеализма. Сейчас эта проблема потеряла свою остроту, и более того, среди российских ученых уже существует как бы консенсус по поводу неприменимости этой дихотомии к традиционной китайской философии, чему, несомненно, способствовали также исследования Кобзева. Несколько запаздывают по времени в этом отношении философы КНР. В статье профессора Уханьского университета Гун Чжэбина, которую он мне подарил в 2003 г., битва против накладывания схемы материализм-идеализм на китайскую философию, встречая сопротивление коллег, только набирала обороты.

Тонкие материи, которыми занимается А.И. Кобзев, для разъяснения идейных отличий Ван Янмина от Чжу Си, думаю, будут полезны каждому человеку, пытающемуся разобраться в хитросплетениях китайской философской мысли. Но лично мне хочется выразить благодарность ученому за то, что он в списке литературы отразил не только переводы конфуцианских книг на русский язык, сле-

данные в XX в., но и старинные переводы, которые в неопубликованном виде задержались в библиотеках и архивах.

К публикациям по философии можно отнести также статью Д.Е. Мартынова «Чжу Цяньчжи: интерпретация учения о Великом единении». Считаю, что давно пора обратить пристальное внимание на наследие Чжу Цяньчжи, имя которого стоит в ряду крупнейших интеллектуалов Китая XX в., и в этом смысле статья несомненно представляет собой ценность. Позиция Д.Е. Мартынова определяется двумя тезисами: Чжу Цяньчжи «в отечественной синологии представлен довольно скупо» и «не лучшая ситуация наблюдается и на Западе» (в понятие Запада почему-то была включена и Япония (влияние С. Хангиттона?). По настоящему профессионально написанную статью из популярного энциклопедического словаря «Китайская философия» автор характеризует мимоходом как такую, которая, во-первых, написана китайцем («в отечественном словаре...написана китайским исследователем»), а во-вторых, содержит в себе общеизвестные вещи («большую часть занимает описание знаменитой теории»). Автор клеймит В.Г. Бузова за «идеологическую направленность». Пустыня, перед лицом которой оказался Д.Е. Мартынов, выступает еще рельефнее после (неточного) сообщения о том, что «в фундаментальном шеститомнике «Духовная культура Китая» он (Чжу Цяньчжи. — *Е.С.*) лишь единожды упоминается». Между тем, достаточно в интернете набрать кириллицей или пиньинем имя Чжу Цяньчжи, чтобы убедиться в том, что дела обстоят не так плохо. Именно поэтому программа дисциплины «Религиозно-философские традиции Востока (Китай)» Российской школы Экономике даже предусматривает изучение взглядов Чжу Цяньчжи. В своей статье Д.Е. Мартынов поднимает целый ряд по-современному звучащих вопросов, которые в свое время обсуждались китайским мыслителем, но по-прежнему будоражат умы: такие идеи, как *да тун*, *сяо кан*, три народных принципа и проблема подлинности конфуцианских текстов. Но глубокоому проникновению в суть идей выдающегося китайца ученый предпочитает выведение его «на чистую воду». Дело в том, что в 1962 г. Чжу публикует статью «Относительно идеи Великого единения Конфуция». Вот какими словами отзываясь о ней Мартынов: «Тогда он вынужденно перешел на маоистские позиции, поэтому неудивительно, что статья пере-

сыпана вульгарной социологической терминологией того времени и более всего напоминает газетную передовицу, несмотря на обильное цитирование цинских канонистов». Тут, очевидно бы, не помешал анализ дискурса, но мы ограничимся одним вопросом, почему автор решил, что в 1962 г. было выгодно переходить на сторону Мао Цзэдуна? И в заключение хочется пожелать автору успехов в будущей работе с китайскими текстами: *мэнху* — это «двери», а не «наступление»; *цзичу* — это «основа, базис, фундамент», а не «раскрытие»; *куанцзя* — это «внешняя форма, рамка», а не «фундамент».

Лично я всегда с пристальным вниманием слежу за публикациями А.Ш. Кадырбаева в сборниках конференции. Они отличаются четкой постановкой вопроса, глубокой проработкой темы. На сей раз ученый выступил с двумя статьями «Тимур и Хайсан — монгольские императоры династии Юань» и «Тогонтимур — последний монгольский император Китая». Ученый тяготеет к реальной истории — истории людских судеб и характеров, истории взаимоотношений, истории борьбы, побед и поражений. Поэтому пересказывать его бессмысленно, его надо читать, неторопливо и вдумчиво. Возможно, что кому-то покажется, что историческая канва династии Юань и ее императоров уже известны, но это не так. Стоит только попытаться уточнить какой-либо эпизод, выясняется, что история монголов в Китае полна лагун. Особенно важно ее описание с монгольской перспективы. И тут приходят на помощь исследования Кадырбаева.

XXI в. ознаменовался россыпью новых, захватывающих своей новизной исследований об истории и культуре тех районов, где встречались монгольские, тюркские, китайско-тибетские народы. К этим исследованиям можно причислить и статью Ю.И. Дробышева «У истоков имперской идеологии средневековых монголов». Пытаясь понять, откуда у монголокочевников могла возникнуть имперская идея, он отвергает какой бы то ни было единый источник ее происхождения. Он воссоздает широкую комплексную картину взаимодействия монголов с ландшафтом и соседними народами, приходя к заключению, что «монгольская концепция верховной власти представляла собой синтез китайской (через посредство киданей и в какой-то степени чжурчженей) и центрально-азиатской концепций, куда, кроме того, могли быть инкорпорированы некоторые элементы религиозных и политических учений, разработанных в лоне нескольких мировых религиозных систем». Объективные условия, на взгляд ученого, дополнялись личными качествами Чингис-хана.

Закончим этот выборочный обзор на оптимистической ноте. Разнообразие тем, широкий круг имен, географическая пестрота, множество названий научных и академических центров, которые вобрали в себя рецензируемые сборники, свидетельствует о том, что российское китаеведение находится в процессе наращивания сил. Отдел Китая Института востоковедения, взявший на себя роль координатора этого процесса, малыми силами делает большое Дело.